

УДК 82.091:94(510)+39(=581)

Ши Сяолун*Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия***Shi Xiaolong***Ural Federal University,
Ekaterinburg, Russia*

История конструирования образа Китая в европейской словесности

The history of the construction of the image of China in European literature

Статья посвящена проблеме конструирования образа Китая в европейской литературе на протяжении двух тысячелетий. Автор анализируется динамика эволюции образа Китая в европейской словесности с Античности до современности, а также характеризуется сущность его образа как образа Другого.

Ключевые слова: образ Китая, европейская литература, шинуазри, образ Другого.

This article is devoted to the problem of the construction of the image of China in European literature. The author analyses the trends of the evolution of the image of China in European literature from antiquity to modern times. The essence of the image of China as the image of the Other is also characterized by the author.

Keywords: image of China, European literature, chinoiserie, image of the Other.

Транслируемый литературой образ Другого может оказывать влияние не только на представление читателей об окружающем мире, но и на менталитет всего общества. Образ Китая в европейской словесности претерпел немало изменений с момента его появления. В настоящей статье мы предпринимаем попытку рассмотреть процесс конструирования этого образа на протяжении двух последних тысячелетий.

Свет с Востока — генезис образа Китая в европейской культуре

Представление европейцев о Китае изначально было достаточно туманным, иногда даже ложным.

После установления торговых связей между китайской династией Хань и Римской империей шелковые изделия из Китая пользовались большой популярностью среди римских высших сословий. Благодаря этому римляне называли Китай и его жителей «Серес» (*греч.* Σῆρες, *лат.* Sērēs), что значит «шелковый» или «страна шелка». Но римляне не знали, что шелк — это продукция, основу которой составляют коконы тутового шелкопряда, а полагали, что на самом крайнем Востоке растут деревья с овечьей шерстью, из которой жители Сереса ткут великолепную ткань. Так думали даже некоторые авторитетные литераторы и ученые Античности.

Например, Вергилий (70–19 гг. до н. э) писал во второй книге поэмы «Георгики»: *Иль как серийцы с листвы собирают тончайшую пряжу?* [1, с. 100]. В энциклопедии «Естественной истории», составленной Плинием Старшим (23–79 гг. н. э.), также содержится фрагмент о производстве шелка в Сересе:

Первые из народов, о которых есть сведения, — Серы, известные своим растительным руном; они вычесывают кудель из замоченной в воде зелени — отсюда и двоякого рода занятие для наших женщин: распускать нити и вязать снова. Сколько же требуется разнообразных трудов, в какие отдаленные края предпринимаются путешествия — и все для того, чтобы матрона могла появиться в обществе в прозрачных одеждах! [2, с. 54].

В древнее время китайцы и европейцы имели мало знаний друг о друге, и те были получены главным образом через посредничество других народов. Поэтому неудивительно, что в античной и средневековой литературе Европы содержатся неверные сведения о так называемой стране Серес. Эта ситуация почти не менялась до эпохи Монгольской империи.

Киданьская легенда — создание образа Китая в поисках страны чудес

В середине XIII в. иезуиты Джованни Плано Карпини (1182–1252) и Гийом де Рубрук (ок. 1220 — ок. 1293) посетили Монгольскую империю. Оба они не были в центре китайской цивилизации, но в путевых записках «История Монголов» и «Путешествие в восточные страны» они упомянули Киданьское государство (Cataia, Catay), когда-то располагавшееся в северных районах Китая.

В книге «Путешествия Марко Поло» (1299) весомой частью содержания является описание огромного густонаселенного богатого Киданьского государства и государства Маньчзы на юге от него¹. Книга не только вызвала глубокое восхищение у европейцев, но и значительно расширила их кругозор.

В другом путевом очерке «Приключения Сэра Джона Мандевиля» (ок. 1357) тоже есть фрагменты о Киданьском государстве. Но описание здесь опирается не на собственный опыт путешествий автора, а на уже существующие тексты, сведения и фантазию самого автора. Однако многие читатели того времени были убеждены, что автор книги доехал до той земли, откуда римляне получали роскошный шелк. Тем самым потерянный Серес снова вернулся в поле зрения европейцев в виде Киданьского государства.

Влияние киданьской легенды оказалось столь значительно, что во многих языках мира название страны «Китай» произошло от «кидани»².

Поиск Китая стал одним из побудительных мотивов Великих географических открытий. Большое количество путевых очерков, исторических записок, писем, путеводителей, а также художественных произведений было посвящено Китаю. Под их влиянием долгое время Китай в глазах европейцев был далеким раем с экзотической природой, обильными ресурсами, величественными городами и грандиозным дворцом, где живет великий монгольский хан.

¹ Manji (кит. 蛮子 — mánzǐ, варвары) — имеются в виду южный Китай и его жители с точки зрения завоевателей-монголов.

² В самом деле кидани (кит. 契丹, пиньинь — Qīdān, налл. цидань) — название древних кочевых племен, создавших государство Ляо (кит. 遼, пиньинь — Liáo, налл. ляо, 907–1125) на территории северного Китая, а не название всего Китая.

В более поздний период китайский император как единоличный владелец процветающей империи неоднократно появляется в европейской словесности. Но Киданьское государство и его жители еще упоминаются в последующих литературных произведениях.

Утопия и шинуазри — эволюция образа Китая в качестве идеального мира

Новая эпоха китайско-европейских контактов началась в 1601 г., когда прославленный итальянский иезуит Маттео Риччи (1552–1610) прибыл в Пекин и с разрешения императора организовал здесь католическую миссию [3, р. 2]. Вслед за ним в Китай стали приезжать представители различных направлений христианства из Европы. Помимо распространения религии и естественных наук в Китае, миссионеры-эрудиты изучали и подробно описывали жизнь и нравы Поднебесной, занимались переводом китайской классики на европейские языки. С их помощью европейцы впервые ознакомились с духовным миром китайцев. Мифы и легенды, классическая литература, а также философские трактаты Древнего Китая начали печататься на Западе.

Первым произведением китайской литературы, переведенным на европейский язык, явилась юаньская драма «Сирота из рода Чжао» (1731). В 1735 г. она была включена в свод «Описание Китайской империи» (1735) французом Жаном-Батистом Дюальдом (1674–1743). В этом издании не только имеется немало ошибок, но и отсутствует либретто. Но это не помешало его распространению в Европе.

За XVIII в. драму неоднократно и достаточно вольно переводили с французского на другие европейские языки. В результате появились многочисленные пьесы с аналогичным лейтмотивом. К числу авторов этих пьес принадлежит Вольтер (1694–1778). В своей версии пьесы «Китайский сирота: нравственность Конфуция в пяти действиях» (1753) Вольтер демонстрирует традиционную китайскую нравственность, которая как раз совпадает с европейской культурой эпохи Просвещения. По его мнению, европейские дворяне и купцы открыли Восток лишь для обогащения, а философы нашли на Востоке новый духовный мир.

Обращение к древнекитайской философии и нравственности постепенно стало популярным в Европе. Некоторые писатели и философы увидели на другом конце света совершенно иную систему

ценностей, которая, на их взгляд, была вполне зрелой и почти идеальной по сравнению с их собственной. Именно на таком фоне появились первые профессиональные синологи, способствовавшие продвижению китайской культуры на Западе.

Говоря о европейской культуре XVIII в., нельзя не упомянуть феномен *шинуазри* (фр. *chinoiserie*) — использование китайских художественных мотивов и идей в изобразительных и декоративно-прикладных искусствах, а также в костюме и оформлении садово-парковых ансамблей. Наряду с этим, китайские сюжеты встречаются не только в серьезной художественной литературе, но и в литературе для детей³. В то же время следует отметить, что шинуазри — это не чисто китайская манера изображения, архитектуры, декора и т. п., а созданное европейцами собственное стилевое направление.

Спящий лев и желтая опасность — изменение образа Китая в период упадка империи

Наряду с идеализацией Китая, в Европе существовали и совершенно иные взгляды на эту страну. Некоторые европейцы, побывавшие в закрытой для внешнего мира Поднебесной, обнаружили реальные недостатки Китая, скрытые за прекрасной легендой. Нищета, отсталость, невежество и опийная наркомания китайцев привели к неизбежному упадку общества. Наполеон I, например, назвал тогдашний Китай «спящим львом».

На рубеже XIX–XX вв. в Европе распространилась расистская теория «желтой опасности». Под ее влиянием Китай окончательно превратился во враждебную Западу страну. Элегантные китайские мудрецы исчезли из европейской словесности, вместо них появились равнодушные и хитрые китайцы, которые живут в грязных кварталах и шумно разговаривают на непонятном «варварском» языке.

Такой полный предубеждений образ китайцев стал стереотипом во многих литературных произведениях того времени, из-за чего, в свою очередь, зарождались новые стереотипы и предубеждения, которые связывались с Китаем и его народом. В итоге сложился порочный круг.

³ Например, сказка «Соловей» (1843) Г. Х. Андерсена.

Зеркальный калейдоскоп — трансформация образа Китая в «образ Другого»

В XX в. в европейской культуре в отношении Китая сохранялось влияние образа «желтой опасности». Но несмотря на это, старый добрый Китай никогда не уходил из поля зрения западной культуры. В XX в. европейцы познакомились с любовной историей китайской принцессы Турандот, открыли идиллический рай Шангри-Ла⁴, узнали на страницах «Приключений Тинтина»⁵ о японской агрессии в Китае⁶ и стали очевидцами дружбы между Тинтином и его китайским другом, пропавшим в авиакатастрофе в Тибете⁷.

Можно сказать, что Китай у писателей-просветителей XVIII в. являл собой политическую утопию, у поэтов XIX в. — утопию художественную, а XX в. принес представление о Китае как о духовном центре, мечте многих писателей Европы.

Образ Китая в европейской словесности XX в. отличается своей сложностью и разнообразием. Он как крупный калейдоскоп, в котором представлены мудрецы, императоры, наркоманы, варвары, революционеры и простые добрые люди, отображены следы легенд и стереотипов прошлых тысячелетий, а также новый облик страны. Но все это, по существу, находится в воображаемом пространстве под названием «Китай». В этой связи образ Китая можно уподобить зеркалу: в нем увидишь свое отражение, а не скрытую за ним страну.

Нет себя без другого. Образ Китая в европейской культуре как образ Другого создали не китайцы, а сами европейцы. Как писал Э. В. Саид, Восток — это почти всецело европейское изобретение, со времен Античности он был вместилищем романтики, экзотических существ, мучительных и чарующих воспоминаний и ландшафтов, поразительных переживаний [4, с. 7].

⁴ Шангри-Ла — затерянный рай в романе «Потерянный горизонт» (1933) английского писателя Джеймса Хилтона.

⁵ Популярны комиксы бельгийского художника Эрже.

⁶ Из пятого альбома комиксов «Приключения Тинтина» «Голубой лотос» (1936).

⁷ Из 20-го альбома комиксов «Приключения Тинтина» «Тинтин в Тибете» (1960).

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что конструирование образа Китая в европейской словесности менялось на протяжении времени, отражая прежде всего меняющуюся систему ценностей европейцев разных периодов.

1. *Вергилий*. Буколики. Георгики. Энеида / пер. с лат. С. А. Ошерова, С. В. Шервинского. М., 2010. 657 с.

2. *Плиний Старший*. Естественная история. Кн. 6 / пер. с лат. URL: http://annales.info/ant_lit/plinius/06.htm#054 (дата обращения: 03.09.2015).

3. *Bodde D.* Chinese Ideas in the West // *Asia for Educators*. 2005. P. 2.

4. *Caud Э. В.* Ориентализм : Западные концепции Востока = Orientalism. Western conception of the Orient / пер. с англ. А. В. Говорунова. СПб., 2006. 636 с.